

К 70-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ

ЭО, 2003 г., № 5

В.А. Тишков

РОССИЙСКАЯ ЭТНОЛОГИЯ: СТАТУС ДИСЦИПЛИНЫ, СОСТОЯНИЕ ТЕОРИИ, НАПРАВЛЕНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

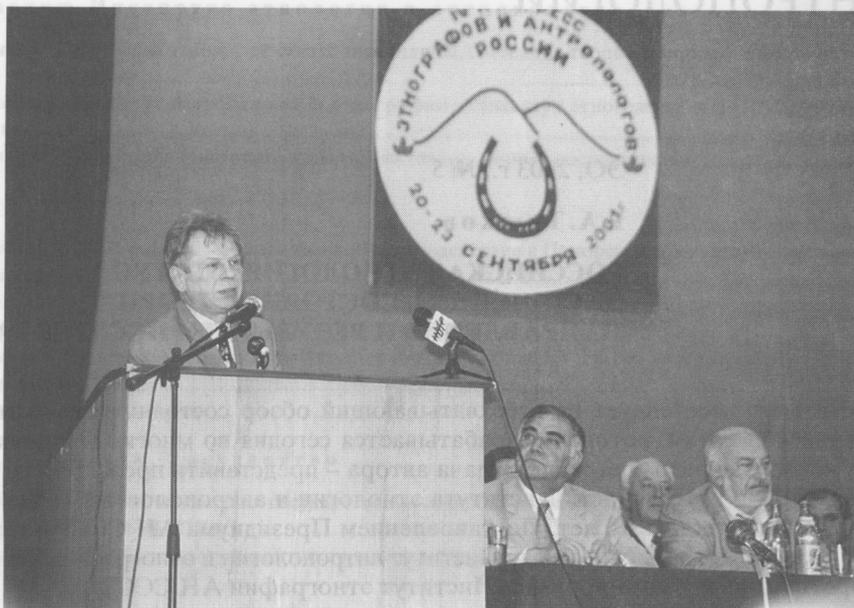
Эта статья не претендует на всеохватывающий обзор состояния отечественной этнологической науки, которая разрабатывается сегодня во многих научных центрах и вузовских кафедрах страны. Задача автора – представить прежде всего современную научную деятельность Института этнологии и антропологии РАН, которому в 2003 г. исполнилось 70 лет. Постановлением Президиума АН СССР от 15 февраля 1933 г. в Ленинграде был создан Институт антропологии и этнографии АН СССР, из которого позднее сформировался Институт этнографии АН СССР.

Направления в современной этнологии

Основные направления гуманитарных исследований формируются под влиянием трех факторов: доминирующих тенденций в мировой науке, индивидуальной исследовательской логики ученого и социально-политических воздействий или запросов общества. Важен также аспект преемственности и, кроме того, определенная инерция, которые могут оказывать даже более мощное воздействие на науку, чем отмеченные выше составляющие. Поэтому, несмотря на то, что этнические проблемы вышли в последнее десятилетие на передний план жизни многих государств, включая Россию, сама наука этнология претерпела не столь уж радикальную трансформацию, если рассматривать сферу исследовательской проблематики, разрабатываемой собственно академическим сообществом.

Тем не менее даже в рамках доминирующих подходов сделано много, не говоря уже о появлении новаторских исследований и расширении тематики. Самое примечательное явление последнего десятилетия – это освобождение научной мысли от многих внешних ограничителей и поистине писательско-издательский бум в институте: с 1989 г. издано около 1 тыс. книг: монографий, коллективных трудов, сборников статей, научных докладов и документальных публикаций¹.

Основные направления исследований этнологов по-прежнему в значительной степени определяются предметной сферой науки о народах. Вместе с тем более емкое современное понимание ее как антропологии (социально-культурной и физической) расширяет круг интересов ученых, в сферу внимания которых попадает сам человек и создаваемые им культурные формы бытия. Историко-этнографическому изучению народов и культур уделялось большое внимание на начальных этапах существования института. Нашими предшественниками накоплен и систематизирован значительный материал по проблемам этногенеза, первобытного общества, этнолингвистики, этнической истории, культурно-бытовых особенностей различных этнических общностей; проведены историко-сравнительные и историко-типологические исследования традиционных культур². Эта тематика находит отражение в научных планах сотрудников и сегодня, хотя в целом можно наблюдать спад исследовательского интереса к ряду проблем, которыми с энтузиазмом теперь занимаются коллеги по

Выступление директора Института этнологии и антропологии РАН В.А. Тишкова на IV Конгрессе этнографов и антропологов России в сентябре 2001 г. в Нальчике

близким дисциплинам – археологи, лингвисты, филологи, культурологи, историки. Это, в частности, касается изучения ранних этапов человеческой эволюции, историко-лингвистических реконструкций, социальной организации, фольклора и этноязыковедения.

В то же время этнографический метод (включенное наблюдение, историко-архивные изыскания, опросно-социологический анализ малых сообществ) остается по-прежнему “торговой маркой” нашей науки и отличает ее от других дисциплин. В разных областях страны и частично за рубежом совместно с учеными из этнологических учреждений изучаемых регионов и стран ведутся полевые работы, которые являются основой научной деятельности института. Предпочтительными ареалами полевых выездов и этнографических экспедиций становятся центральная часть России, Поволжье, Сибирь, Северный Кавказ. К сожалению, сократились наблюдения в Средней Азии и Закавказье, в Прибалтике, Украине и Молдове. И без того эпизодические поездки в дальние зарубежные страны оказались в последнее время еще более редкими. Однако новое поколение исследователей, как и их предшественники, понимает необходимость полевой работы для занятий наукой и все чаще находит возможность выезжать в разные регионы Европы, Америки и Азии.

Важнейшие результаты и перспективы исследований

Институт ежегодно публикует более 50 книг и других изданий, многие из которых представляют собой крупный вклад в этнологическую науку. Значительное число заслуживающих внимания публикаций выходит также на страницах периодических и серийных изданий: “Этнографическое обозрение”, “Расы и народы”, “Вестник антропологии”, “Национальные движения в СССР и постсоветском пространстве”, “Исследования по прикладной и неотложной этнологии”. Труды института пользуются

признанием среди научной общественности в нашей стране и за ее пределами, о чем свидетельствует высокий уровень индекса цитирования трудов его сотрудников.

Что наиболее интересного для мировой науки сделали наши ученые в последние годы?

Широкому кругу специалистов адресованы *историко-этнографические и энциклопедические издания*, продолжающие традиции многотомных коллективных трудов прошлых лет. Среди важнейших достижений последнего десятилетия можно назвать выход в свет двух уникальных историко-этнографических энциклопедий – “Народы России” (1994) и “Народы и религии мира” (1998, переиздания в 1999, 2000). Они явились результатом многолетней работы большого коллектива российских ученых. Новизна и сложность этих научных проектов состояла в стремлении представить как можно более полную картину современного культурного многообразия России – одного из самых многоэтничных государств мира – и всесторонне описать историко-культурный облик населения Земли, существующие в мире религии, религиозные направления и течения. К этим проектам по значимости примыкает и издание этнографической карты “Народы России и сопредельных стран”. Об успешности воплощения замысла свидетельствует присвоение данному циклу работ Государственной премии Российской Федерации в области науки и техники за 2001 г.

Еще один крупный проект, над которым институт работает с начала 1990-х годов, – многотомная историко-этнографическая серия “Народы и культуры”. После издания в 1950-е – 1960-е годы капитального труда “Народы мира” это – первый исследовательский и издательский проект аналогичного масштаба. К настоящему времени уже вышли в свет тома “Русские”, “Белорусы”, “Украинцы”, “Народы Поволжья и Приуралья”, “Татары”, “Народы Дагестана”. Главное достоинство этих книг в том, что они представляют собой обстоятельный и современный свод знаний о той или иной этнической общности, причем основными авторами текстов выступают ученые из числа представителей этих народов. Последнее было не всегда возможно полвека тому назад, когда делалась аналогичная серия по народам мира.

Безусловным научным приоритетом последних лет стало изучение *истории и этнографии русского народа*, его духовной и материальной культуры, современного социального и политического статуса в различных регионах России и за ее пределами. О значимости работ в этом направлении говорит присуждение группе ученых института в 1993 г. Государственной премии Российской Федерации за цикл работ по истории и культуре русского народа. В публикациях последних лет получили новое освещение проблемы этнической истории русских, сложения их этнической территории, хозяйственного освоения земель, быта; не осталась без внимания и историческая этнография различных социальных слоев и сословий, локальных и конфессиональных групп, народная медицина и другие вопросы³.

В исследованиях по русской проблематике на переднем плане находится тема православия и его роли в истории и культуре. Интересно, что часть трудов по духовно-мировоззренческой позиции отражает взгляды воцерковленных людей, что не только не мешает им практиковать светскую науку высокого уровня, но и способствует глубине проникновения в объект исследования. Такой симбиоз наиболее ярко выразился в проведении в 2001 г. международной конференции “Православие и культура этноса”, материалы которой вышли под грифом института и Русской православной церкви⁴.

Новым для отечественной этнологии стала комплексная разработка темы “Русские за рубежом” с включением в сферу исследования прежде всего нового зарубежья⁵. Важно отметить, что столь обстоятельно русскими как этнической общностью занимаются только ученые нашего института. Этнологи в российских республиках в основном пишут историю и этнографию титульных народов, игнорируя многоэтничный характер регионов и историко-культурный вклад в их развитие других групп населения. Зарубежные исследователи также увлечены экзотикой малых сообществ, часто полагая, что тем самым они являются открывателями “антрополо-

гических Эльдorado” современной мировой науки. Сказывается и политическая идиосинкразия со стороны ангажированных или эмоционально травмированных специалистов: русские, как и сербы, воспринимаются порой в качестве представителей неких “имперских наций”.

Не ослабел интерес к этнографии других народов России, в частности *народов Крайнего Севера и Сибири*. В области североведения и сибиреведения большое научное и прикладное значение имеет разработка вопросов, связанных с современным положением коренных малочисленных народов Севера, проблем их адаптации к новым социально-экономическим и политическим условиям⁶. Опубликованы работы, посвященные исторической этнографии, этнодемографии, социальной организации, материальной и духовной культуре народов Крайнего Севера и Сибири. В них значительное внимание уделяется изучению адаптивных функций традиционной культуры, что делает их особенно актуальными⁷.

Полиэтничным и одним из самых своеобразных по характеру хозяйства и образу жизни населения регионов нашей страны является *Кавказ*. Однако в последние годы он притягивает к себе внимание не только этим свойством. Как известно, там образовались очаги межэтнической напряженности и разгораются открытые конфликты. Вот почему особое внимание в работах кавказоведов уделяется современной этнополитической ситуации в регионе. В опубликованных трудах рассмотрены проблемы этнополитического и этнокультурного развития народов Северного Кавказа и Дагестана, даны прогностические оценки перспективной динамики событий. В частности, представлен концептуальный анализ протекающих в Чечне процессов и высказаны предложения по актуальным мерам урегулирования существующего конфликта, прослежены некоторые закономерности этнического развития малочисленных народов Дагестана, исследовано соотношение административных, общинных, религиозных и семейно-родственных структур в системе властных отношений у адыгов и народов Дагестана, рассмотрены этнокультурные проблемы беженцев, процессы социальной и культурной адаптации вынужденных мигрантов из конфликтных зон региона, описана динамика этнокультурного развития населения Юга России⁸. Тематика исследований по этнологии народов Кавказа включает также широкий спектр других проблем, среди которых политическая и правовая культура народов Северного Кавказа, характер семейно-родственных отношений, этническая история и история этнографических исследований в регионе⁹.

Этнология Средней Азии и Казахстана в последнем десятилетии представлена работами по этногенезу и этнической истории, материальной и духовной культуре, современным этническим и этнополитическим процессам в регионе¹⁰. Новым направлением стало изучение вопросов социального поведения славянского населения в государствах Средней Азии и Казахстане (миграции, адаптация к новым условиям жизни, реакция на этнократическую внутреннюю политику, актуальные тенденции в межэтнических отношениях)¹¹.

Важная составляющая работы института – исследования по *этнологии народов Европы*. Это направление охватывает комплекс проблем от этноисторических до современных культурно-бытовых и этнополитических процессов. Классикой стали такие опубликованные в 1980-е годы историко-этнологические исследования, как “Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы” в четырех томах, “Брак у народов Зарубежной Европы” в трех томах, “Типология жилища в странах Зарубежной Европы”. Благодаря этим трудам в этнологии стал популярен метод комплексного, сравнительно-типологического исследования большого региона по единой программе. Эта традиция была продолжена в недавней публикации коллективной монографии об обычаях и обрядах, связанных с рождением ребенка¹².

В последние годы существенно расширилась тематика европеистики. В историко-этнографических исследованиях основной круг проблем сводится к изучению общих и частных закономерностей культурогенеза, реконструкции этногенетических связей и этнических контактов народов Европы, формирования этнических культур,

генезиса отдельных их компонентов. Большое внимание уделяется современным этническим процессам. Причем этнологическое изучение современности не ограничивается спектром культурно-бытовых процессов. Новое актуальное направление исследований – этнополитика. Оно включает в себя изучение особенностей националистических идеологий, роли этногенетических идей в идеологической конфронтации. Анализируются особенности этнической политики государств Европы, формы и методы ее реализации, механизм урегулирования межэтнических отношений. В центре внимания роль национализма в решении проблем сохранения этнической культуры, родного языка, групповой идентичности, а также особенности социокультурного облика этнических и иммигрантских групп населения¹³.

Ряд трудов посвящен исследованию межэтнических конфликтов, кризисных ситуаций, этнонационалистических движений (баски в Испании, католики в Северной Ирландии, бретонцы и корсиканцы во Франции, этническое насилие в странах Восточной Европы). Актуальной теме современного балканского конфликта посвящены монографии, в которых дается анализ событий, связанных с распадом Социалистической Федеративной Республики Югославии и созданием на ее основе новых государств, исследуются истоки кризиса, суть военных столкновений в Хорватии, Боснии и Герцеговине, Косово, межэтнические противоречия в других районах Балкан, первые шаги существования новых государств¹⁴. С исследованием этнических аспектов современных общественных процессов связана работа по воссозданию общей историко-этнографической характеристики населения в пределах одной страны или региона, судеб малых народов в зарубежных странах, этнических общин за пределами основной территории их проживания¹⁵.

Большая комплексная проблема – этнографическое изучение российского зарубежья в XX в. Интерес вызывает история формирования и культурного развития различных групп выходцев из России в странах Европы. Исследуются региональные группы мигрантов, их этнокультурные особенности, процессы взаимовлияния традиционной культуры нового окружения и вновь образовавшихся групп, проводится сравнительный анализ диаспор, возникших в результате распада двух государств – СССР и СФРЮ¹⁶. По материалам российских архивов, содержащих сведения о балканских народах, опубликованы монографии¹⁷.

Уделяется внимание изучению гендерного фактора в политике, религии, экономике, в структуре и функциях семьи, специфические этнические черты народов в семейной сфере, истории зарубежной науки¹⁸.

В развитии отечественной *американистики* сложились и сохраняются три направления: исследование этнических процессов в странах Америки в новое и новейшее время; анализ индейских культур, прежде всего доколумбова периода; изучение Русской Америки, большая часть источников по этнографии и истории которой сосредоточена в России. В последнее десятилетие исследовались проблемы формирования и социокультурного развития населения Нового Света, культурно-антропологические факторы жизни американского города, культура афроамериканцев, современный быт коренных жителей¹⁹. Эти работы, несмотря на нередкую вторичность источников информации, расширяют основы представлений об этнических процессах в странах континента.

Общациональным форумом индеанистов стали симпозиумы по проблемам индеанистики (1982, 1985, 1988, 1992, 1997 гг.). Издаваемые по их результатам сборники статей²⁰ демонстрируют достижения российских специалистов. Крупнейшим полевым исследованием отечественных американистов была деятельность Кубинской экспедиции в 1980-е годы, по материалам которой к настоящему времени написана российско-кубинская коллективная монография “Традиционная материальная культура сельского населения Кубы”. Успех последнего десятилетия – подготовка наиболее полного издания архивных и других документов по истории русской Америки – “Россия в Калифорнии. Колония Росс и российско-калифорнийские связи в первой половине XIX в.”

Актуальным для института остается изучение *народов зарубежной Азии и Тихоокеанского региона*, хотя возможности полевых работ по этому направлению весьма ограничены. Крупным проектом явилось комплексное исследование календарных обычаев и обрядов народов Южной, Юго-Восточной и Передней Азии, способствующее решению многих сравнительно-типологических задач сегодняшнего дня. Продолжается изучение традиционных культур и их современного развития. В частности, важное место в азиатско-тихоокеанских исследованиях занимают проблемы шаманизма, традиционных культов, ранней социальной организации. В последнее время внимание ученых привлекают текущие этнополитические и религиозные процессы²¹.

Классическими для института являются различные направления *физико-антропологических исследований*, изучение древнейших этапов эволюции человека и его современных особенностей. Базовым положением служит тезис об отсутствии внутренней связи между языком, культурой, уровнем общественного развития народа, с одной стороны, и его расовым (антропологическим) типом – с другой. Большое число экспедиций во все уголки бывшего Советского Союза, теоретическая и практическая разработанность антропологических методик (краниология, остеология, одонтология, дерматоглифика, соматология) позволили отечественным ученым сделать Россию и сопредельные страны наиболее антропологически изученной территорией. Все более перспективными становятся комплексные антрополого-археологические исследования. Сегодня палеоантропологи института работают в составах археологических экспедиций не только на территории нашей страны (Северный Кавказ, Поволжье, Прибайкалье), но и за ее пределами (Туркменистан, Египет). Наряду с традиционными направлениями в физической антропологии появились и новые: антропогенетика, антропоэстетика и др. Развиваясь на стыке различных наук, они позволили по-новому взглянуть на процесс формирования круга брачных связей, установить эстетические предпочтения среди мужчин и женщин в различных этнических группах, оценить популяционно-генетические последствия подобных предпочтений.

Важным компонентом развития науки остаются вопросы антропогенеза. Все более активно обсуждаются проблемы грани между человеком и животными, прародины человечества. Появление в последние десятилетия новых палеоантропологических находок выводит на новый уровень дискуссии о ходе эволюционного развития человека²². В то же время современная физическая антропология охватывает столь огромное исследовательское поле, что порой тесно переплетается с социально-культурной тематикой²³.

Междисциплинарную природу новейших подходов особенно ярко демонстрирует *этология*, или *поведенческая антропология*, – наука, которая играет связующую роль между биологией человека и его социальной составляющей. Важные аспекты исследований в этой области – изучение человеческих взаимодействий в повседневной жизни (родственные связи, родительское поведение, репродукция и выбор брачных партнеров, структурирование социальных отношений в коллективах сверстников и в разновозрастных группировках, межгрупповые взаимодействия), сравнительный кросскультурный анализ поведенческих универсалий, их механизмов и причин возникновения. Внимание уделяется изучению моделей поведения в разных культурах и стратегиям освоения поведенческих навыков в процессе социализации. Особый интерес представляет анализ поведения индивидов в ситуациях, когда факторы социальной и физической среды действуют вразрез с адаптациями, закрепившимися в поведении человека на протяжении миллионов лет его эволюции. Примером может служить наметившаяся в современном индустриальном обществе ориентация на более поздний возраст обзаведения потомством, сокращение среднего числа детей в семье или изменение стандартов женской красоты. Новым этапом развития этологии является эволюционная психология, которая объединяет психоло-

гию и антропологию с естественными науками, прежде всего с нейрофизиологией и эволюционной биологией²⁴.

Одно из новых направлений в нашей стране – *психологическая антропология*, или *кросскультурная психология*. К сожалению, пока в отечественной науке данная исследовательская сфера чаще всего называется этнопсихологией, что подталкивает исследователей к поискам и доказательствам “особого психического уклада” или даже “психосемантического кода”, которыми, якобы, обладают “этноты”. Было бы корректнее говорить о наличии обусловленных культурой и социально-историческим опытом наборе поведенческих проявлений и психологических установок, которые могут превалировать у той или иной части населения и отличать этих представителей сообщества от других при фундаментальной общности основ человеческого поведения и его чрезвычайной мобильности. Усилиями наших ведущих специалистов в этом направлении были выполнены работы по этническим установкам и дистанциям, психологическим восприятиям социальных перемен и миграций, социальной психологии диаспорного населения и другие исследования²⁵.

В рамках федеральной целевой программы “Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе” ведутся теоретические и эмпирические исследования этнической толерантности в традиционных культурах народов мира, психологии этнической напряженности и разрабатываются методы диагностики толерантности в средствах массовой информации. С 2002 г. осуществляется проект “Этнокультурные и социально-психологические факторы этнической толерантности в поликультурных регионах РФ”. Впервые по единой программе в ряде регионов страны проводятся социально-психологические исследования этнической и религиозной толерантности с целью выяснения общих факторов, влияющих на позитивное межэтническое взаимодействие. Результаты исследований могут быть полезны при планировании и коррекции этнической и информационно-образовательной политики в поликультурной России. Проект имеет высокую значимость для учебного процесса, поскольку включает создание учебных и методических пособий, разработку основ социально-психологического тренинга для специалистов, государственных служащих, студентов и учащихся. Он имеет высокий прогностический потенциал для ранней диагностики и предотвращения формирования очагов межэтнической напряженности и локальных конфликтов²⁶.

Актуальным в научном и политическом отношении остается *религиоведение* – направление, для развития которого сняты многие идеологические препоны. В институте выполнен обстоятельный анализ религиозной ситуации в мире, включая исследование малых конфессий, религиозных групп и направлений. Это нашло отражение как в упоминавшейся выше энциклопедии “Народы и религии мира”, разработке уникальной карты “Религии мира”, так и во многих других трудах²⁷.

Проводимые в институте исследования включают и такие междисциплинарные темы, как *этносоциология*, *этнодемография*, *этноэкология*, *этноархеология*. Их основы были заложены в 1960-е – 1980-е годы. Целый ряд направлений (гендерные исследования, юридическая антропология, аудиовизуальная антропология) возник относительно недавно, и проблемы, связанные с ними, изучаются в самостоятельные подразделениях.

В 1980-е – 1990-е годы в ходе экспедиционных выездов в Азербайджан, Грузию, Армению, Абхазию, Северную Осетию и Ставропольский край, Центральнo-Черноземный район России шла работа по проекту “Этническая экология переселенческих групп. Русские старожилы в Закавказье”. Были исследованы процессы адаптации русского крестьянского населения к условиям жизни в Закавказье, проведено сравнительное изучение русского населения в районах выхода предков закавказских молочан и духоборцев, проанализировано положение, сложившееся в местах оседания русских переселенцев. Тематика работ была комплексной и включала в себя изучение демографических, медико-антропологических и психологических характеристик русских старожильческих групп, их брачных связей и фамильной структуры,

традиционной и современной систем питания, специфики расселения, особенностей поселений и жилищ, хозяйственной деятельности, духовной культуры и социальной структуры конфессиональных общин. Исследования базировались на сравнительном изучении многих аспектов жизни русских крестьян-старожилов и соседствующих с ними народов Закавказья. Итогом многолетних наблюдений стала серия монографий и сборников²⁸. Разработка теоретико-методологических основ этнической экологии как междисциплинарной области исследований продолжается, определяются задачи и способы практического применения этноэкологических знаний и исследовательских методик²⁹.

В 1990-е годы активизировалась разработка *гендерного направления*. Институт издал ряд трудов по вопросу семьи и семейного строя, функциям женщин в семье, проблемам семейного и общественного воспитания детей, формирования гендерных стереотипов поведения, мужским социальным статусам и ролям³⁰.

Последнее десятилетие стало новым этапом развития *юридической антропологии*, была восстановлена прерванная в предыдущие годы традиция изучения правового многообразия человечества. Социальное бытие человека рассматривается нашими учеными через призму различных правовых систем. С 1995 г. благодаря сотрудничеству Института этнологии и антропологии, Института государства и права, Института востоковедения и Московского государственного университета в нашем институте проводится семинар по юридической антропологии. Проблемы юридической антропологии, связанные с управлением и регулированием жизни коренных малочисленных народов Севера, попали в поле научного интереса ряда сотрудников, когда институт стал организатором нескольких крупных конференций. Особенно важную роль в становлении юридической антропологии для России сыграл проведенный в 1997 г. в Москве XI Международный конгресс по обычному праву и правовому плюрализму. Отдельное направление юридической антропологии представляют работы по проекту “Этнографический мир императорской России: экономика, право, власть, политика”. Издано несколько сборников, включающих публикации архивных документов и извлечений из ранее опубликованных, но редких изданий³¹.

В постсоветский период были созданы благоприятные условия для воссоздания *истории этнологической науки*. Отличается фундаментальностью опубликованное в 1990–1999 гг. академическое собрание сочинений Н.Н. Миклухо-Маклая. Изданию предшествовали многолетние изыскания участников проекта в архивах и библиотеках, удалось выявить сотни рукописей (преимущественно писем и документов), не известные современникам публикации и рисунки Н.Н. Миклухо-Маклая, расширяющие представления о жизни и деятельности выдающегося путешественника и исследователя. К числу крупных источниковедческих публикаций относится также трехтомная “Истории Сибири” Г.Ф. Миллера. Два первых тома этого издания уже вышли в свет, третий готовится к печати³².

В 1999 г. опубликована книга “Репрессированные этнографы”, высоко оцененная специалистами и вызвавшая большой общественный резонанс³³. В институте ведется работа над монографией “Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века”. Опубликована книга воспоминаний о крупнейшем ученом С.А. Токареве, подготовлен сборник об академике Ю.В. Бромлее. Назрела необходимость активизировать изучение истории отдельных направлений российской этнографии. Пример такого коллективного труда – сборник “Страницы отечественного кавказоведения”³⁴. Частью историографических и источниковедческих исследований стало изучение и публикация источников, а также трудов классиков отечественной и зарубежной этнографии. Особую значимость имеет издание фотоальбома А.В. Смоляк “Народы Нижнего Амура и Сахалина”, выполнение реконструкций нескольких уникальных видеозаписей из архива института и создание новых фильмов о традициях народов мира.

Важное место в тематике института принадлежит *исследованиям по теории и методологии изучения этнических процессов, развития культуры*. Такого рода работы позволяют определить место и роль этнических явлений в системе общественных отношений, способствуют выработке научного подхода к пониманию и управлению этническими аспектами социальных процессов. Конечно, не преодолена определенная схоластика теоретических исследований, которые чаще представляют собой некую “философию этноса”, а не обобщения на основе вновь добытого эмпирического знания. И все же большим достижением можно считать то, что в исследованиях ученых института сегодня нет обязательной привязки к какой-либо одной метатеории, нет привилегированных теоретиков, сноски на которых были бы необходимы в научных текстах. К сожалению, все еще уделяется недостаточное внимание современным теоретико-методологическим разработкам зарубежных ученых, что обусловлено слабым знанием иностранных языков и плохим доступом в нашу страну зарубежных книг и журналов. Однако что касается более широкого введения в научный оборот классического наследия, то в последнее десятилетие здесь достигнут заметный прогресс. В этой связи следует особо отметить серийное издание “Этнографическая библиотека”, в котором вышли в свет 14 книг³⁵.

Необходимо подчеркнуть, что представления *о предмете этнологической науки* и ее важнейших исследовательских задачах не остаются неизменными, поскольку она, как и всякая другая общественная дисциплина, имеет дело с развивающимся объектом познания. Сегодня уже никто не воспринимает этнологию как науку об экзотических народах. Параллельно с преобразованиями социальной действительности происходит пересмотр ее предметной области, связей и отношений с другими науками. Примерно со второй половины 1980-х годов усилилось внимание к исследованию так называемых этнонациональных процессов. Общественно-политические события последнего десятилетия – “этническое возрождение”, рост националистических движений, обострение межэтнических противоречий – усилили интерес к этнологической тематике, потребовали от ученых гибкой реакции на научные и общественные запросы. В связи с этим в работе института был сделан акцент на изучение современных проблем общественной жизни России, таких как рост этнического самосознания (этническая мобилизация) и формы национализма, причины сепаратизма и конфликтов.

Борьба за “национальное возрождение” и активизация националистических движений, которые разворачиваются ныне во всем мире, ставят на повестку дня новую актуальную проблематику, связанную с особенностями националистических идеологий и их практическим воплощением. Для России и стран СНГ современные тенденции имеют особое значение. С приходом демократии Россия вступила в эпоху, когда ранее приниженные или считавшие себя таковыми группы обрели голос и получили возможность культивировать свои ценности, бороться за социальные и политические права. Именно в этих условиях особую роль приобретает этноисторический миф, воплотивший образ длительной культурной преемственности на данной территории и тем самым упрочивающий этническую идентичность, во-вторых, легитимирующий право данной группы на политическое представительство, территорию, развитие своего языка и культуры и политическое оформление вплоть до требования полного суверенитета. В науке это стимулирует формирование нового направления, изучающего этногенетический миф как неотъемлемую черту этнополитических движений, исследующего его структуру, деятельность порождающих его творцов и носителей, их устремления и цели. Изучение данной проблематики ведется по разным направлениям и охватывает многие районы России и страны СНГ. Временные рамки исследований безграничны, но в первую очередь включают события от последних десятилетий Российской империи до становления новой демократической России и других новых государств Евразии в 1990-е годы³⁶. Изучаются многие факторы, используемые для формирования идентичности, в том числе исследуются школьные и вузовские программы и учебники по истории и этнологии, издаваемые в различных регионах России³⁷.

В конце 1990-х годов были внесены некоторые изменения в структуру института в целях создания проблемных групп, организован ряд подразделений, занимающихся актуальными вопросами современной этнологии и разработкой на их основе практических рекомендаций для государственных органов разного уровня. Два новых подразделения института – Центр по изучению и урегулированию конфликтов и Центр по изучению межнациональных отношений – развернули широкие исследования по мониторингу этнических проблем и этнополитической тематике. Аналитическое и прикладное исследование *этничности и национализма*, этнических конфликтов и способов их разрешения входят в число приоритетных направлений работы института³⁸. Мониторинг этнополитической ситуации в постсоветских странах, разработка мер по предупреждению и урегулированию конфликтов играют важную роль в предотвращении конфликтных ситуаций, нейтрализации этнического сепаратизма, поддержании толерантности в межэтнических отношениях. Опубликованы экспертные доклады “Пути мира на Северном Кавказе” и “Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах, 1999, 2000, 2001 гг.” Подготовлен доклад о современном положении и перспективах устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера и Сибири. Собрана уникальная документальная база по этнополитическим проблемам многоэтнических регионов и этнотерриториальных автономий России, а также некоторых других стран³⁹. Можно сказать, что жанр прикладных и экспертных научных разработок по неотложным этническим проблемам утвердился и завоевал общественное признание⁴⁰.

Институт внес серьезный вклад в научное обеспечение некоторых вопросов государственной политики и управления в этнической сфере, выступив одним из основных разработчиков Концепции государственной национальной политики Российской Федерации, Концепции государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом, законов “О национально-культурной автономии”, “О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ”, “Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ” и других важнейших нормативных документов. В практической деятельности по стабилизации этнополитической обстановки на постсоветском пространстве находят применение опыт и информация экспертов созданной в 1993 г. на базе института Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов.

Самое активное участие ученые института приняли в разработке методических материалов для Всероссийской переписи населения 2002 г. В связи с этим институт оказался в центре политических дебатов, которые инициировали националистически настроенные политики и ученые в ряде республик: им не понравилось наше предложение сохранить в качестве отдельных единиц статистического учета тех, кто называет себя кряшенами (до этого их переписывали как татар), и тех, кто причисляет себя к малым андо-цезским народам Дагестана. Как это бывало и в прошлые времена, этнологов стали обвинять в неких тайных замыслах “расколоте нации” с целью их ассимилирования, хотя, казалось бы, больше нашего коллектива никто не сделал для сохранения и защиты этнокультурного многообразия России. Вышел в свет первый том из серии трудов, посвященных переписи 2002 г.⁴¹

Координационная и международная деятельность института

Институт этнографии создавался как научное учреждение, призванное возглавить этнологическую науку в масштабах всей страны. Он объединил сотрудников Музея антропологии и этнографии АН СССР, Института по изучению народов СССР и Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран. Превращению его в ведущее учреждение страны способствовала деятельность С.П. Толстова, который привлек для работы в институт многих видных этнографов и антропологов, ставших классиками нашей науки (С.А. Токарев, Н.Н. Чебоксаров, М.О. Косвен, П.И. Кушнер, М.Г. Левин, В.В. Бунак, Г.Ф. Дебед и др.). Однако стоя-

В.Н. Басилов беседует с островитянами. О-в Лавонгаи (о-в Адмиралтейства), Папуа–Новая Гвинея. 1977 г.

щие перед этнографической наукой задачи не могли быть выполнены силами одного учреждения, как бы оно ни расширяло поле своей деятельности. Поэтому институт еще с довоенных лет и особенно в 1950-е–1960-е годы помогал союзным и автономным республикам в подготовке кадров квалифицированных этнографов, организации этнографических секторов и отделов в составе академий наук союзных республик СССР, научных учреждений автономных республик и областей. В 1970-е–1980-е годы координационная деятельность осуществлялась через научный Совет АН СССР по национальным отношениям, возглавлявшийся Ю.В. Бромлеем.

Координация этнографической деятельности ученых союзных и автономных республик в советский период осуществлялось путем проведения всесоюзных отчетно-экспедиционных сессий, всесоюзных этнографических совещаний. Их материалы публиковались в издаваемых институтом журнале “Советская этнография”, сборниках “Полевые исследования Института этнографии”. Укреплению научных связей между этнографами содействовала работа над коллективными трудами, в создании которых принимали участие специалисты из республиканских научных учреждений, а также некоторые зарубежные коллеги.

Что касается постсоветского периода, то отрадно отметить, что, несмотря на проблемы общей дезинтеграции и активное становление в разных регионах страны новых исследовательских групп, институт сохранил позицию ведущего для России научного центра в области этнологии, социально-культурной и физической антропологии. Как институт в целом, так и все без исключения его подразделения продолжают активно сотрудничать с учеными из многих исследовательских центров страны. Научные связи специалистов примерно 40 регионов России координируются через Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, Центр по изучению межнациональных отношений и другие отделы. В институте учатся в аспирантуре и докторантуре, проходят стажировку представители учреждений разных регионов нашей страны и бывших союзных республик. Авторский коллектив журнала “Этнографическое обозрение” – также один из каналов научного взаимодействия национального и даже международного уровня.

Члены Туркменского этнографического отряда Хорезмской экспедиции среди населения. 1960–1961 гг.

Современная координация понимается нами прежде всего как равноправное сотрудничество, будь то наши коллеги из Белоруссии, Украины, Грузии, Узбекистана или из Татарстана, Дагестана, Карелии и Якутии. Для более тесного взаимодействия специалистов-этнологов и антропологов, разобщенных политическими и ведомственными границами, в 1990 г. по инициативе института была создана межрегиональная научная общественная организация “Ассоциация этнографов и антропологов России”. Основной формой деятельности ассоциации является проведение регулярных конгрессов этнографов и антропологов России, на которых становится реальным живое общение специалистов, рассматриваются актуальные вопросы нашей науки. Такие конгрессы были проведены в Рязани (1994 г.), в Уфе (1997 г.), в Москве (1999 г.), в Нальчике (2001 г.), в Омске (2003 г.).

Институт этнологии и антропологии РАН занимает видное место в мировом научном сообществе. Реализация международных контактов института происходит в самых различных формах. Главная из них – индивидуальные научные связи ученых, их участие в конференциях и съездах, исследовательской и преподавательской работе в зарубежных центрах и университетах, издании трудов на иностранных языках. В последние годы наиболее известные специалисты читают курсы и проходят научные стажировки в крупнейших западных университетах. Сотрудничество осуществляется также и в рамках проектов и соглашений Российской академии наук с академиями других стран. Хорошие контакты существуют с Венгерской академией наук, Польской академией наук, Академией наук Республики Беларусь, научно-исследовательскими институтами Эстонии, Молдовы, Украины, Казахстана, Армении, Латвии и др.

Институт и его сотрудники принимают участие в работе ряда международных организаций, таких как Международный союз антропологических и этнологических наук, Международное общество этнографии и фольклора, Европейская ассоциация социальных антропологов, Европейская ассоциация исследователей Юго-Восточной Азии, Ассоциация по изучению национальностей, Тихоокеанская научная ассоциация, различные институты в системе Организации Объединенных Наций, ЮНЕСКО и Совета Европы. Ученые института участвуют в разработке международными организациями многих тем, например, проблем миграции, толерантности, этничности, национальных меньшинств, федерализма, терроризма.

Институт выступает организатором проводимых в России и за рубежом международных конгрессов, конференций, симпозиумов, семинаров и летних школ. В 2000–2002 гг. прошли российско-американские межакадемические симпозиумы “Конфликты в многоэтнических обществах”, две летние международные школы по юридической антропологии и этологии человека в России, ежегодные семинары Сети этнологического мониторинга в Каталонии, Тунисе и на Корсике.

Институт имеет тесные контакты с различными зарубежными фондами (Карнеги, Дж. и К. Макартуров, Веннер-Грэнн по антропологическим исследованиям, Институт “Открытое общество”), которые оказывают поддержку индивидуальным и коллективным проектам. Принципиальное значение имеют различные границы двух российских научных фондов – РГНФ и РФФИ. Интересный проект осуществлен в рамках программы ЮНЕСКО “Управление социальными процессами”. Банк Швеции поддержал коллективный проект совместно с учеными Швеции и Финляндии по изучению трансформаций среди коренных малочисленных народов Севера и Сибири. Программа Европейского Союза ТАСИС одобрила проект по утверждению толерантности и улучшению межэтнических отношений в России, в котором Сеть этнологического мониторинга выступает в качестве российского партнера.

В сфере интересов сотрудников, проводящих исследования при поддержке этих и других фондов, находится самый широкий круг проблем: межэтнические взаимодействия, миграции и диаспоры, природа этнического насилия, конфликты и традиционный опыт миротворчества, гендерные проблемы, вопросы соотношения традиционных народных знаний и современной естественнонаучной картины мира, проблемы философских аспектов народной культуры и многие другие. Нет оснований утверждать, что зарубежные фонды через свои гранты определяют исследовательскую повестку российских ученых. В то же время, в сфере нашей науки этот источник является важным для развития исследований.

Международная деятельность института представляет существенную часть его научной жизни. Систематический обмен с зарубежными коллегами исследовательским опытом, новыми материалами, выводами и достижениями – обязательное условие современной научной деятельности. Предстоит еще много сделать для увеличения числа публикаций российских ученых в ведущих зарубежных журналах и более широкого участия в международных конгрессах и конференциях. Наше представительство на международном уровне уступает коллегам из Восточной Европы. В планах сделать Москву местом проведения одного из крупных международных конгрессов в области этнологии и антропологии, например, конгресса Ассоциации европейских социальных антропологов, который ныне собирает до тысячи участников.

Заключительные замечания

В начале 1990-х годов состояние отечественной этнологии мною было обозначено как кризис⁴². Для такой категоризации имелось несколько причин. Во-первых, это дисциплинарное теоретико-методологическое наследие как часть идеологизированного советского общественнознания с его всеобщей пропиской по единой методологии и одной частной теории. Во-вторых, это растерянность и неспособность объяснить происходившие в ходе общественных трансформаций процессы в сфере межэтнических отношений и “национальной политики”, при интерпретации которых объяснительные модели не шли дальше концепции “возрождения национального самосознания” и “национальных движений”. В-третьих, это институциональный и ресурсный кризис науки, когда поколебленное в связи с ростом местных инициатив и открытием “поля” для западной науки монопольное положение “центральной” (московской и ленинградской) этнографии сменила не взаимообогащающая кооперация, а политизированное соперничество и поверхностные дебаты вторгнувшихся в этническую тематику дилетантов. Мною было высказано мнение, что имел место не просто кризис науки, но нечто большее – отсутствие в стране дисциплины, понимаемой в мире как социально-культурная ант-

ропология. Многие участники дискуссии не разделили тогда этой оценки, полагая, что достижения отечественной этнографии величавы и непоколебимы.

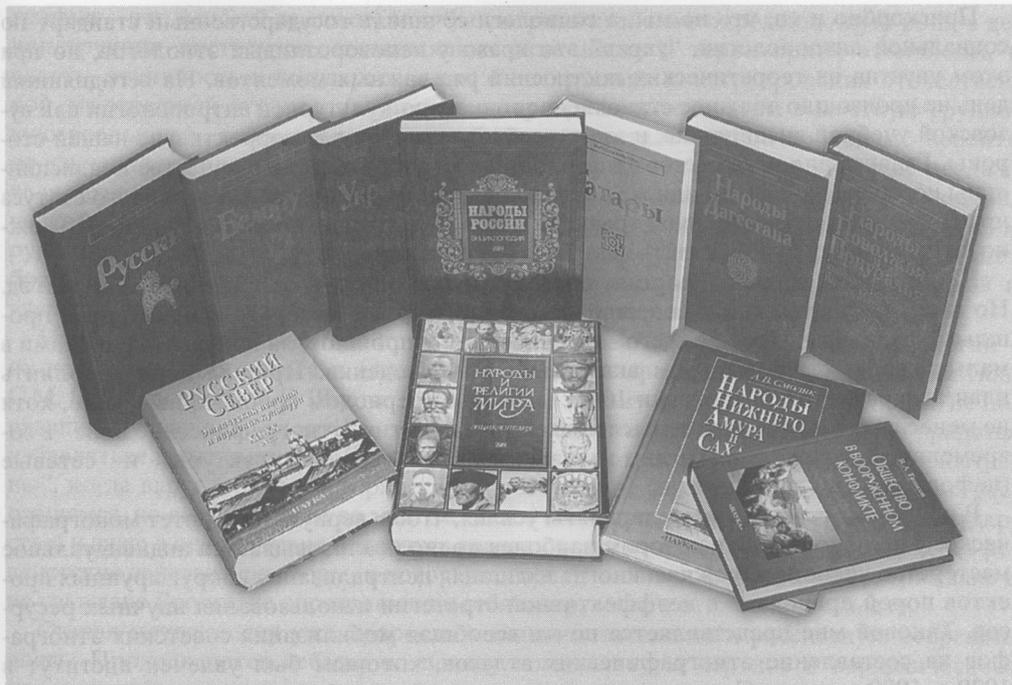
Как можно оценить явления последнего десятилетия в современном контексте? Прежде всего, если понимать под кризисом состояние глубоких перемен и переоценок, то такой кризис действительно был, и он, безусловно, сохраняется в области теоретико-методологических разработок и тематического спектра исследований. Для этого достаточно присмотреться к уровню большинства публикуемых в “Этнографическом обозрении” работ, которые трактуются их авторами и издателями как работы по теории и методологии. Во многом другом кризис преодолен, что, впрочем, не означает полное отсутствие серьезных проблем в сфере содержания и организации нашей науки, а также не свидетельствует о завершенности ряда процессов. В целом же то, что сказал Скалзуб про постнаполеоновскую Москву, с полным основанием можно отнести и к отечественной этнологии: “Пожар способствовал ей много к украшенью”. Последнее десятилетие и нынешнее время войдут в историю как период благотворного развития этнологической науки под воздействием внешних и внутренних обстоятельств.

Внешние стимулы – это общественно-политическая актуализация этнического фактора и новые роли этничности в жизни индивидов и общества в целом. Достаточно отметить, что вместо “неантагонистических противоречий в решении национального вопроса” научное сообщество столкнулось с вызовом открытых этнических конфликтов и даже с распадом государств под воздействием этнонационализма в различных его видах, включая вооруженную сецессию. Вместо “национальных пережитков” появились “национальные движения” и “национальное возрождение” как формы этнической мобилизации, потребовавшие совсем другого объяснительного языка и исследовательских приемов. В обществе возникли новый интерес и новые ресурсы к сохранению и утверждению этнокультурной мозаики как в связи с интеллектуальными дебатами по поводу националистической мифологии, так и на почве массового увлечения культурным партикуляризмом, включая этнографическое краеведение. Наконец, обозначился “социальный заказ” в форме политического и управленческого интереса со стороны государства, хотя и в смутных и плохо финансируемых формах.

Внутренние факторы – это вызывающая уважение мобилизация самого академического сообщества, когда снятие запретов и ослабление внутренней иерархии оказались для научных работников важнее материальных вознаграждений, когда вместо смиренного ожидания в очереди “редподготовки и плана выпуска” стало возможным выбирать тему, выполнять исследование и публиковать их результаты в гораздо более свободном режиме. Профессиональное сообщество этнологов не испытало массового исхода, и его основная часть оказалась способной реализовать как накопленный научный багаж, так и новые замыслы при достаточно скромной кадровой подпитке со стороны молодого поколения, у которого появилось много новых и престижных карьерных специализаций (менеджмент, право, журналистика, политология и т.п.).

Самый значительный прорыв произошел в двух сферах: расширении тематики и увеличении количества научной продукции. За последние 10 лет наметились новые научные направления (назову их еще раз – религиоведение, миграционные, гендерные исследования, юридическая антропология, этология человека, политическая антропология, конфликтология и др.)⁴³. В жанровой ориентации приоритет остался за историко-этнографическим исследованием, при этом хотя и с большим трудом (помогло вступление в XXI в.), но все же преодолевается представление, что в конце XIX – начале XX в. существовала некая этнографическая норма (“традиционная культура”), которая и есть самая ценная тайна для научного раскрытия.

Отечественные этнологи начинают понимать, что они имеют такое же право изучать “традиционную современность”, как имели на это право Н.Н. Миклухо-Маклай и первые поколения профессиональных этнографов. Прогресс проявляется в нарождающемся интересе к этнографии “советскости”, которая длительное время представлялась как время “исчезновения традиционной культуры”, взывавшее к

Издания Института этнологии и антропологии РАН

срочной фиксации уходящего. Однако пока еще недостаточно уделяется внимания завтрашней традиции, под которой я имею в виду сегодняшние социально-культурные инновации, что также входит в сферу научных пристрастий нашей дисциплины, которые можно назвать этнографией настоящего или даже этнографией будущего.

Что касается обеспечения качества этнографического нарратива, теоретической оснащенности и имеющегося в науке контекста (наработок и дискуссий) той или иной темы, то здесь тоже есть свои проблемы. Авторы тематических этнографических текстов часто боятся “делать” теорию на страницах полевых дневников, а теоретики опасаются или не умеют ссылаться на полевые наблюдения. В российской этнологии теория по-прежнему – удел “теоретиков”, которые в лучшем случае строят свои конструкции на материалах других авторов, в худшем – вообще не используют этнографические материалы, базирясь только на грамматической схоластике и компиляции из чужих переведенных на русский язык цитат. По собственному опыту, связанному с выпуском книги, посвященной чеченской войне, и рецензиям на нее⁴⁴, могу с уверенностью сказать, что полевая этнография не только не мешает теоретизированию, но делает его более убедительным и необходимым.

При всем многообразии позитивных перемен сложный процесс модернизации нашей науки не обошелся без издержек. Этнология и антропология (социально-культурная) оказалась привлекательной нишей для многих служителей “марксистско-ленинской теории наций и национального вопроса”, которые “пересамоопределились” в том числе и как этнологи, культурологи или антропологи. Слой неопитов оказался гораздо большим, чем его смогла переварить профессиональная наука, и он в чем-то даже узурпировал дисциплинарное поле. На этнические темы стали писать философы, политологи, психологи, экономисты, демографы и другие обществоведы. И их вторжение не всегда безобидно, ибо часто базируется на первичном и некритическом заимствовании не самых современных теоретико-методологических концепций отечественных этнологов, в том числе так называемой теории этноса⁴⁵.

Прискорбно и то, что не мы, а социологи сочинили государственный стандарт по социальной антропологии, “украдя” это право у неповоротливых этнологов, но при этом упустив из теоретических построений ряд важных моментов. На сегодняшний день не произошло должное становление социально-культурной антропологии как вузовской учебной дисциплины, и здесь необходимы срочные коррективы с нашей стороны. Главная дилемма состоит в том, останется ли этнология в качестве поддисциплины исторической науки или же возможно оформление ее самостоятельного статуса при сохранении отечественной традиции историзма этнологических штудий. Возможно, эту проблему будет решать завтрашнее поколение.

Ныне важнее сберець “торговую марку” нашей науки – этнографический метод. Но и он нуждается как в совершенствовании, так и в возврате к некоторым прошлым традициям. Прежде всего – будущее (как и прошлое) за полевыми работами в малых сообществах методом включенного наблюдения. Пришла пора дополнить план аспирантской подготовки 10–12-месячным периодом пребывания в поле, хотя не менее актуально и переосмысление самого понятия “этнографическое поле” в современных условиях, когда изучаются глобальные структуры и сетевые (неформальные) сообщества.

В последние годы были предприняты усилия, чтобы вернуть приоритет монографическому исследованию, в котором наиболее полно реализуется индивидуальное мастерство ученого. Прежняя, иногда излишняя централизация вокруг крупных проектов порой приводила к неэффективной стратегии использования научных ресурсов. Таковой мне представляется почти всеобщая мобилизация советских этнографов на составление этнографических атласов, которым был увлечен институт в 1970-е–1980-е годы. Сотни специалистов занимались сбором материалов для этих коллективных изданий, из которых вышли в свет единицы. Те же ресурсы могли дать больше результатов, если бы они использовались для монографических исследований разных направлений и сюжетов. В то же время нет необходимости полностью отказываться от коллективных трудов. Нам удалось начать реализацию принципиально новых крупных научных проектов, объединивших сотни ученых и десятки исследовательских коллективов под общим методическим руководством института.

И последнее. Сложна для анализа происходящих в отечественной науке процессов сфера ее теории, состояние которой – само по себе достаточно примечательное явление. Его суть – завидная устойчивость теоретического багажа советской этнографии 1960-х–1980-х годов и даже более ранних периодов, а также похвальная настойчивость представителей старшего поколения в отстаивании примордиализма при интерпретации этнического и в одергивании диссидентских отклонений от существующих стандартов. Историко-эволюционистская схема и этнос как фундаментальный архетип и предметообразующее понятие сохраняют свои доминирующие позиции; остается без ответов и множество не объяснимых в рамках этой парадигмы вопросов.

Например, есть ли место в нашей науке пространству “между этносами” или “за пределами этноса”? Ни Л.Н. Гумилев, ни Ю.В. Бромлей ему такого места не оставляют, ибо этим ученым и их последователям интересен человек в этносе (“этнофор”), а не этничность в человеке или человек вне этничности. Даже (само)сознание (идентичность) рассматривается как один из признаков коллективного тела, а не первичная субстанция, которую следует прежде всего изучать не макросоциологическим методом, а микроанализом и ситуативным подходом. И вообще, возможна ли этнология (шире – социально-культурная антропология) без этноса и даже за пределами этничности? На мой взгляд, да, возможна и необходима.

Только обратившись к феномену культурной сложности (гибридности) и расширив трактовку культуры, отказавшись от одержимости групповыми категоризациями и натуралистическими представлениями об этничности, научный поиск выйдет на новые рубежи и даст некоторые новые ответы, в том числе и самого практического характера. Этот переход от этноса к этничности и далее к “распредмечиванию” и деполитизации этнического (политическая роль и сущность отечественной этно-

графии – это особый предмет) мог бы сыграть столь же определяющую роль в деконструкции институтов, связывающих этничность и территорию, этничность и власть, этничность и государство, как и последствия конструирования отечественной этнографией этнических категорий, превратившихся затем в жесткую групповую реальность, особенно на уровне бытовой ментальности. Необходимо перейти от изучения этнических процессов, от осмысливания этничности в качестве отражателя объективно существующего мира (или хотя бы сделать шаг в сторону) к этнической процессуальности на коллективном уровне и к инструменталистскому выбору, этническому дрейфу на уровне индивидуальном. Только такой подход снимет бремя бессмысленных споров по поводу групповых вертикальных таксономий и удержит от изобретений новых культурно-разделительных линий.

Необходимо освобождаться от последних “фишек” неофитов в сфере этнологии – от психологизации этноса и даже национализма, выросшей из уязвимой романтики С.М. Широкогорова, Г.Г. Шпета, А.Р. Лурия по данному поводу. Этнопсихология, не порвавшая пуповину с этносом, – одно из последних наваждений, от которого придется избавляться десятилетиями. К заблуждениям я бы отнес и “диаспоризацию всей страны”, когда вдруг в одном историческом пространстве (пусть даже в политически распавшемся, но сохраняющем во многом общее социально-культурное единство государстве) и даже в одной стране появились сначала через речевые акты, а затем и через реалистские действия диаспоры, к которым стали относиться фактически все граждане и не граждане России, не определяющие себя как русские в этническом смысле.

Старая методология уже проросла новыми метастазами в российскую современность. Продолжаются дебаты по поводу номенклатуры народов и иерархического конструкта “подгруппы–группы–метагруппы”, что закрепила перепись 2002 г. на очередное десятилетие, вместо давно назревшей фиксации категорий этнической идентичности или этнических категорий учета населения. Сохраняется увлеченность, вплоть до сочинения государственных целевых программ, выделением из российского народа (или многоэтничной гражданской нации) субъектов не только историко-лингвистических реконструкций, но также политики и права в виде части граждан, в языке которых есть исторические реконструируемая схожесть базовых лексик. Причем большинство из них на “родном” (или “общесемейном”, если брать классификацию по языковым семьям) языке вовсе не разговаривает и имеет на порядок больше схожести с живущими веками рядом соседями, чем с интеллектуально реконструированными “угро-финнами” или “тюрьками”.

Вместе с тем сохраняются колониалистские и расиалистские подходы как в исследовательских методиках, так и в этнографическом нарративе, которые мы порой просто не замечаем и тем более не рефлексируем как предмет самоанализа. Если “грязный” язык СМИ и ксенофобия на политико-бытовом уровне только отчасти рождаются из научных текстов, то одержимость этнонационализма – это чисто интеллектуальный продукт. В итоге потеснить паранаучное засилье Л.Н. Гумилева на книжных полках Санкт-Петербурга и Москвы смогут только опровергающие их убедительные тексты, объясняющие мир этнического и историко-культурного бытия современным языком. Но это задача будущего.

Примечания

¹ Полную библиографию книжных изданий института см.: Труды ученых Института этнологии и антропологии РАН. 1990–2002: Тематический указатель / Сост. О.Л. Милова. М., 2003.

² Библиографический обзор важнейших работ института за 50-летний период см.: Чистов К.В. Из истории советской этнографии 30–80 гг. XX века. К 50-летию Института этнографии АН СССР // Сов. этнография (далее – СЭ). 1983. № 3; Бромлей Ю.В., Чистов К.В. Ордена Дружбы народов Институту этнографии имени Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР – 50 лет // СЭ. 1983. № 4.

³ Русские народные традиции и современность. М., 1995; Русские: этнотерриториальное расселение, численность и исторические судьбы (XII–XX вв.). М., 1995; Кузнецов С.В. Русское крестьянское хозяйство: аграрная деятельность и религиозно-нравственные воззрения. М., 1995; Липинская В.А. Старожилы и

переселенцы. Русские на Алтае XVIII – начала XX вв. М., 1996; *Витов М.В.* Этнография Русского Севера. М., 1997; Русские. Историко-этнографические очерки. М., 1997; Традиционное жилище народов России: XIX – начало XX в. М., 1997; Вопросы антропологии, диалектологии и этнографии русского народа. М., 1998; Вопросы этнографии русского народа // *Расы и народы*. Вып. 25. М., 1998; *Носова Г.А.* Традиционные обряды русских (крестины, похороны, поминки). М., 1999; Русские: этнотерритория, расселение, численность и исторические судьбы (XII–XX вв.). Т. 1. М., 1999; Русские: народная культура (история и современность). Т. 3–4. М., 2000; *Власова И.В.* Дорогами земли Вологодской. Этнографические очерки. М., 2001; Крестьянские истории: российская деревня 1920-х годов в письмах и документах. М., 2001; Русский Север: этническая история и народная культура XII–XX века. М., 2002; *Громыко М.М., Буганов А.В.* О воззрениях русского народа. М., 2000.

⁴ Православие и культура этноса. Матер. междунар. науч. симп. (Москва, 9–13 октября 2000 г.) // *Исторический вестн.* 2001. № 2–3 (13–14). Москва; Воронеж, 2001; Православие и русская народная культура. Кн. 1–6. М., 1993–1996.

⁵ *Гинзбург А.И.* Русское население в Туркестане (конец XIX–XX вв.). М., 1991; Духоборцы и молокане в Закавказье. М., 1992; *Григорьева Р.А., Шлыгина Н.В., Будина О.Р.* Быт русской семьи в малом эстонском городе. М., 1996; Русские в новом зарубежье: Средняя Азия. Этносоциологические очерки. М., 1993; Русские в ближнем зарубежье. М., 1994; Русские в новом зарубежье: Киргизия. Этносоциологические очерки. М., 1995; Русские нового зарубежья: Итоги этносоциологического исследования в цифрах. М., 1996; Русские нового зарубежья: Миграционная ситуация, переселение и адаптация в России. М., 1997; *Субботина И.А.* Стратегия поведения русской молодежи в странах нового зарубежья: Молдавия. М., 1998; Русские в современном мире. М., 1998; *Савоскул С.С.* Русские нового зарубежья. Выбор судьбы. М., 2002.

⁶ Народы Советского Севера (1960–1980-е годы). М., 1991; Демографические, экономические, социальные и культурные проблемы развития народов Дальнего Востока в условиях экономических реформ и демократических преобразований. М., 1994; Народы Севера и Сибири в условиях экономических реформ и демократических преобразований. М., 1994; Социально-экономическое и культурное развитие народов Севера и Сибири: традиции и современность. М., 1995; *Лопуленко Н.А.* Народы Российского Севера: экономика, культура, политика (по материалам региональной прессы). М., 2000.

⁷ *Афанасьева Г.М.* Традиционная система воспроизводства нганасан. М., 1990; Эндегамный ареал и этническая группа. М., 1990; Традиционная обрядность и мировоззрение малых народов Севера. М., 1990; *Вайнштейн С.И.* Мир кочевников Центра Азии. М., 1991; Обские угры (ханты и манси). М., 1991; *Симченко Ю.Б.* Нганасаны. Очерки традиционных верований. М., 1993; *Функ Д.А.* Бачатские телеуты в XVIII – первой четверти XX века: Историко-этнографическое исследование. М., 1993; Народы Сибири и Севера России в XIX в. М., 1994; Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов Южной Сибири и сопредельных территорий. М., 1994; *Симченко Ю.Б.* Тайга селькупская. М., 1995; *Сирин А.А.* Катангские эвенки в XX в. Расселение, организация среды жизнедеятельности. М., 1996; Этнодемографические особенности воспроизводства народов Севера России. М., 1996; *Соколова З.П.* Животные в религиях. СПб., 1998; *Она же.* Жилище народов Сибири (опыт типологии). М., 1998; Этнические стереотипы в меняющемся мире. М., 1998; Коренные малочисленные народы Севера и Сибири: Руководство для исследователей. Вып. 29. Университет Академии Або, 1999; *Пивнева Е.А.* Манси: популяционная структура, этнодемографические процессы (XVIII–XX вв.). М., 1999; Сибирь: Этнос и культуры (Народы Сибири в XIX в). Вып. 4. Москва; Улан-Удэ, 1999; Челканцы в исследованиях и материалах XX в. М., 2000; Этнография народов Западной Сибири. Сибирский этнограф. сб. М., 2000; Этнодемографический сб. Народы Севера России. М., 2000; *Мартынова Е.П., Пивнева Е.А.* Традиционное природопользование народов Северного Приобья. М., 2001; *Смоляк А.В.* Народы Нижнего Амура и Сахалина. Фотоальбом. М., 2001.

⁸ Расы и народы. Вып. 26. М., 2001.

⁹ *Анчабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г.* Старый Тбилиси: Город и горожане в XIX в. М., 1990; Житие и деяния Иллариона Грузина. М., 1991; *Мусукаев А.И., Перещиц А.И.* Народные традиции кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 1992; *Калоев Б.А.* Скотоводство народов Северного Кавказа: с древнейших времен до начала XX в. М., 1993; *Анчабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г.* Этническая истории Северного Кавказа. XVI–XIX вв. М., 1993; *Абдушелишвили М.Г., Арутюнов С.А., Калоев Б.А.* Народы Кавказа: Антропология, лингвистика, хозяйство. М., 1994; *Арутюнов С.А., Сергеева Г.А., Кобычев В.П.* Народы Кавказа. Материальная культура: Пища. Жилище. М., 1995; *Бабич И.Л.* Народные традиции в общественном быту кабардинцев. М., 1995; *Калоев Б.А.* Моздокские осетины. М., 1995; *Цулая Г.В.* Абхазия и абхазы в контексте истории Грузии: Домонгольский период. М., 1995; Северный Кавказ: Бытовые традиции в XX в. М., 1996; *Тер-Саркисянц А.Е.* Армяне. История и этнокультурные традиции. М., 1998; *Бабич И.Л.* Эволюция правовой культуры адыгов. М., 1999; *Калоев Б.А.* Вторая родина Коста Хетагурова. Владикавказ, 1999; *Она же.* Осетинские историко-этнографические этюды. М., 1999; Карачаевцы и балкарцы: язык, этнография, археология, фольклор. М., 2001.

¹⁰ Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. М., 1990; Современное развитие этнических групп Средней Азии и Казахстана. М., 1992; *Моногарова Л.Ф., Мухиддинов И.*

Таджики. Ч. 1. М., 1992; *Моногарова Л.Ф.* Таджики. Ч. 2. М., 1992; *Жилина А.Н., Томина Т.Н.* Традиционное жилище народов Средней Азии. XIX – начало XX в. М., 1993; *Бушков В.И.* Население северного Таджикистана: Формирование и расселение. М., 1995; *Жилина А.Н.* Новое и традиционное в современном сельском жилище Узбекистана (вторая половина XIX–XX в.). М., 1995; *Ярлыкапов А.А.* Библиографический указатель научной литературы по ногайцам. Махачкала, 1998; *Наумова О.Б.* Структура животноводческого хозяйства в Западно-Казахстанской области Казахстана. Мэдисон, 1999; *Ситнянский Г.Ю.* Сельское хозяйство киргизов. Традиции и современность. М., 1998; *Кочевое жилище народов Средней Азии и Казахстана.* М., 2000; *Среднеазиатский этнограф.* сб. Вып. IV. М., 2001.

¹¹ *Брусина О.И.* Славяне в Средней Азии. Этнические и социальные процессы. Конец XIX – конец XX века. М., 2001.

¹² *Рождение ребенка в обычаях и обрядах. Страны Зарубежной Европы.* М., 1997.

¹³ Этнические проблемы и политика государств Европы. М., 1998; *Европа на пороге третьего тысячелетия.* М., 2000; *Этнические меньшинства в современной Европе.* М., 1997.

¹⁴ *Каиуба М.С., Мартынова М.Ю.* Новая этнополитическая карта Балкан. М., 1995; *Мартынова М.Ю.* Балканский кризис: народы и политика. М., 1998.

¹⁵ *Кожановский А.Н.* Народы Испании во второй половине XX века. Опыт автономизации и национального развития. М., 1993; *Грацианская Н.Н.* Словаки. М., 1994; *Решина М.И.* Фризы. Проблема этнокультурного развития. М., 1996; *Заринов И.Ю.* Путь длиннее века. Этническая история поляков в Бразилии. М., 1998; *Деметер Н.Г., Бессонов Н., Кутенков В.* История цыган. Новый взгляд. М., 2000.

¹⁶ Новые славянские диаспоры. М., 1996.

¹⁷ *Керимова М.М.* Югославянские народы и Россия. Этнографические сюжеты в русских публикациях и документах первой половины XIX века. М., 1997.

¹⁸ Современная семья у народов Зарубежной Европы. М., 1993; *Шлыгина Н.В.* История финской этнологии. М., 1995; *Семья в современном европейском обществе.* М., 1996; *Проблемы и методы исследований современной семьи.* М., 1997.

¹⁹ *Население Нового Света: проблемы формирования и социокультурного развития.* М., 1999; *Очерки по культурной антропологии американского города.* М., 1997; *Лопуленко Н.А.* Эскимосы США и Канады. М., 1998; *Александренков Э.Г.* Стать кубинцем. Проблемы формирования этнического самосознания. М., 1998; *Нитобург Э.Л.* Евреи в Америке на исходе XX в. М., 1997; *Комарова Г.А.* Русский Бостон. М., 2002.

²⁰ *Коренное население Северной Америки в современном мире.* М., 1990; *Америка после Колумба: взаимодействие двух миров.* М., 1992; *Американские индейцы: новые факты и интерпретации.* М., 1996; *История и семиотика индейских культур Америки.* М., 2002.

²¹ *Жуковская Н.Л.* Судьба кочевой культуры: рассказы о монголах и Монголии. М., 1990; *Истоки формирования современного населения Южной Азии.* М., 1990; *Арутюнов С.А., Джарылгасинова Р.Ш.* Япония: народ и культура. М., 1991; *Кузнецов А.И.* Индонезийцы за рубежом. М., 1991; Этнологические процессы в странах Зарубежной Азии. XX век. М., 1991; *Арутюнов С.А., Шебенков В.Г.* Древнейший народ Японии: Судьбы племени айнов. М., 1992; *Кочнев В.И., Седловская А.Н.* Европейцы в Южной Азии и образование “евразийских” групп. М., 1992; *Календарные обычаи и обряды народов Юго-Восточной Азии: годовой цикл.* М., 1993; *Календарь в культуре народов мира.* М., 1993; *Календарно-праздничная культура народов Передней Азии: традиции и инновации.* М., 1997; *Shukovskaja N.* Kategorien und Symbolik in der traditionellen Kultur der Mongolen // *Studia Eurasia.* Bd. V. В., 1996; *Шинкарев В.Н.* Человек в традиционных представлениях тибето-бирманских народов. М., 1997; *Он же.* Кварц, кровь, одержимость. Очерки традиционного мировоззрения горных народов Южного Вьетнама. М., 2002.

²² *Васильев С.В.* Дифференциация плейстоценовых гоминид. М., 1999.

²³ Новые методы – новые подходы в современной антропологии. М., 1997; *Теория антропологии и ее методы: истоки и развитие.* М., 2001; *Вест. антропологии.* Вып. 1–9. М., 1995–2002; *Женщина в аспекте физической антропологии.* М., 1994.

²⁴ *Гендерные проблемы в этнографии.* М., 1998; *Этология человека на пороге XXI века: новые данные и старые проблемы.* М., 1999; *Мужчина и женщина в современном мире: меняющиеся роли и образы.* Т. II. М., 1999.

²⁵ *Духовная культура и этническое самосознание наций.* Вып. 1–2. М., 1990–1991; *Лебедева Н.М.* Социальная психология этнических миграций. М., 1993; *Она же.* Новая русская диаспора. Социально-психологический анализ. М., 1995; *Она же.* Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М., 1999; *Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества.* М., 1994; *Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 1990-х годов.* М., 1994; *Суверенитет и этническое самосознание: идеология и практика.* М., 1995; *Говорит элита республик Российской Федерации: 110 интервью Леокадии Дробижевой.* М., 1996; *Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У.* Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М., 1996; *Миграции и новые диаспоры в постсоветских государствах.* М., 1996; *Этническая психология и общество.* М., 1997; *Асимметричная федерация: взгляд из центра, республики и областей.* М., 1998; *Социальная и*

культурная дистанция: опыт многонациональной России. М., 1998; Арутюнян Ю.В., Дробизева Л.М., Су-соколов А.А. Этносоциология. М., 1999.

²⁶ Идентичность и толерантность. М., 2002; Толерантность и культурная традиция. М., 2002; Малькова В.К., Тишков В.А. Этничность и толерантность в СМИ. М., 2002; Диагностика толерантности в СМИ. М., 2002; Лопуленко Н.А., Мартынова М.Ю. В мире жить – с миром жить: Хрестоматия для школьников. М., 2002; Межкультурный диалог: Лекции по проблемам межэтнического и межконфессионального взаимодействия. М., 2003; Лебедева Н.М., Лунева О.В., Стефаненко Т.Г., Мартынова М.Ю. Межкультурный диалог. Тренинг этнокультурной компетентности. М., 2003.

²⁷ Религии мира: история и современность. М., 1990; Смоляк А.В. Шаман: личность, функции, мировоззрение (Народы Нижнего Амура). М., 1991; Традиционные ритуалы и верования. М., 1995; Шаманизм и ранние религиозные представления. М., 1995; Симченко Ю.Б. Традиционные верования инганасан. М., 1996; Функ Д.А. Телеутское шаманство. М., 1997; Религия, культура и общество: Библиографический указатель религиозно-богословской, религиоведческой литературы, изданной в России с XVI до начала XX веков. М., 1993; Курило О.В. Очерки по истории лютеран в России (XVI–XX вв.). М., 1996; Липинская В.А. Старообрядцы в Румынии: Русские писатели о липованах. М., 1994; Нитобург Э.Л. Церковь афроамериканцев в США. XVIII–XX вв. М., 1995; Москва: Народы и религии. М., 1997; Басилов В.Н., Кармышева Д.Х. Ислам у казахов. М., 1997; Ислам и народная культура. М., 1998; Буддизм: Словарь. М., 1992; Харитонова В.И. Заговорно-заклинательное искусство восточных славян. М., 1999; Шаманский дар. М., 2000; Неоязычество на просторах Евразии. М., 2001.

²⁸ Русские старожилы Азербайджана. Матер. по этнической экологии. М., 1990–1992; Григулевич Н.И. Этническая экология питания: Традиционная пища русских старожил и народов Закавказья. М., 1996; Русские старожилы Закавказья: молокане и духоборцы. М., 1995; Очерки экспедиционного быта в Закавказье. М., 2001.

²⁹ Этническая экология: теория и практика. М., 1991; Козлов В.И. Этническая экология: Становление дисциплины и история проблем. М., 1994; Степанов В.В. Методы этноэкологической экспертизы. М., 1999; Комарова Г.А. Предтеча Чернобыля. Этнокультурные аспекты экологической катастрофы на р. Теча. М., 2002.

³⁰ Семейный быт народов СССР. М., 1990; Семья: Традиции и современность. М., 1990; Этнические стереотипы мужского и женского поведения. М., 1991; Современная семья у народов Зарубежной Европы. М., 1993; Женщина и свобода: Пути выбора в мире традиций и перемен. М., 1994; Кон I.S. Sexual Revolution in Russia. From the Age of the Czars to Today. N.Y., 1995; Обычай и обряды, связанные с рождением ребенка. М., 1995; Смирнова Я.С., Тер-Саркисянц А.Е. Народы Кавказа. Семья и семейный быт. М., 1995; Соловьева Л.Т. Грузия: Этнография детства. М., 1995; Пушкарева Н.Л. Женщины России и Европы на пороге нового времени. М., 1996; Семья в современном европейском обществе. М., 1996; Кон И.С. Сексуальная культура в России. М., 1997; Проблемы и методы исследований современной семьи. М., 1997; Пушкарева Н.Л. Частная жизнь женщины в доиндустриальной России. X – начало XIX века: Невеста, жена, любовница. М., 1997; Семья, гендер, культура. Матер. междунар. конф. 1994 и 1995 гг. М., 1997; Гендерные проблемы в этнологии. М., 1998; Кон И.С. Введение в сексологию. М., 1998; Он же. Вкус запретного плода. Сексология для всех. М., 1998; Он же. Лунный свет на заре. Лики и маски однополой любви. М., 1998; Золотухина М.В. Мир американской семьи. М., 1999; Кон И.С. Роль и место сексуальной культуры в становлении цивилизованного государства. СПб., 1999; Он же. Социологическая психология. Москва; Воронеж, 1999; Гендерные проблемы в общественных науках. М., 2001; Мужчина в традиционной культуре. М., 2001; Пушкарева Н.Л. Русская женщина. Прошлое и современность. М., 2001.

³¹ Обычное право народов Сибири (буряты, якуты, эвенки, алтайцы, шорцы). М., 1997; Национальная политика в императорской России. Цивилизованные окраины (Финляндия, Польша, Бессарабия, Украина, Закавказье, Средняя Азия). М., 1997; Homo Juridicus. Матер. конф. по юридической антропологии. М., 1997; Национальная политика в императорской России. Поздние первобытные и предклассовые общества Севера Европейской России, Сибири и Русской Америки. М., 1998; Обычное право народов России: Библиографический указатель (1890–1998 гг.). М., 1998; Обычное право и правовой плюрализм. Матер. XI Междунар. конгр. по обычному праву и правовому плюрализму (август 1997 г.). М., 1999; Бабич И.Л. Эволюция правовой культуры адыгов. М., 1999; Человек и право: Книга о летней школе по юридической антропологии. М., 1999; Юридическая антропология. Закон и жизнь. М., 2000; Традиционная нормативная культура, организация власти и экономика народов Северной Евразии и Дальнего Востока. М., 2000; Степной закон. Обычное право казахов, киргизов и туркмен. М., 2000; Обычай и закон. Исследования по юридической антропологии. М., 2002.

³² Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. М., 1999; Т. 2. М., 2000.

³³ Репрессированные этнографы. Вып. 1. М., 1999.

³⁴ Благодарим судьбу за встречу с ним. О Сергее Александровиче Токареве. М., 1995. Страницы отечественного кавказоведения. М., 1992. Смоляк А.В. Народы Нижнего Амура и Сахалина.

³⁵ *Морган Л.Г.* Лига ходенасури. М., 1983; *Леви-Строс К.* Структурная антропология. М., 1983; *Мид М.* Культура и мир детства. М., 1988; *Радлов В.В.* Из Сибири. Страницы дневника. М., 1989; *Богораз В.Г.* Материальная культура чукчей. М., 1991; *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М., 1991; *Сумцов Н.Ф.* Символика славянских обрядов. М., 1996; *Мосс М.* Общества, обмен, личность. Тр. по социальной антропологии. М., 1996; *Максимов А.Н.* Избр. тр. М., 1997; *Ван Геннен А.* Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М., 1999; *Рэдклифф-Браун А.Р.* Структура и функция в примитивном обществе: Очерки и лекции. М., 2001; *Пирцио-Бироли Д.* Культурная антропология Тропической Африки. М., 2001; *Лич Э.* Культура и коммуникация: логика взаимосвязи символов. М., 2001; *Эванс-Причард Э.* История антропологической мысли. М., 2003.

³⁶ См.: *Shnirelman V.A.* Who gets the past? Competition for Ancestors among non-Russian Intellectuals in Russia. Washington; Baltimore; London, 1996; *Idem.* The Value of the Past. Myths, Identity and Politics in Transcaucasia. Osaka, 2001.

³⁷ *Шнирельман В.А.* В поисках престижных предков: этнонационализм и школьные учебники. Ответственность историка: преподавание истории в глобализирующемся обществе. Матер. междунар. конф. Москва, 15–17 сентября 1998. М., 2000; *Мартынова М.Ю.* Поликультурное пространство России и проблемы образования. V конгресс этнографов и антропологов России. М., 2003.

³⁸ *Биркенбах Х.-М.* Расследование фактов как средство превентивной дипломатии. Взгляд международных организаций на конфликт по вопросу гражданства в Эстонии и Латвии. М., 1998; Межтаджикский конфликт: путь к миру. М., 1998; *Филиппов В.Р., Филиппова Е.И.* Закон и этничность. М., 1998; *Шнирельман В.А.* Russian Neo pagan Myths and Antisemitism. Jerusalem, 1998; *Косиков И.Г., Косикова Л.С.* Северный Кавказ: социально-экономический справочник. М., 1999; *Осипов А.Г.* Российский опыт этнической дискриминации: месхетинцы в Краснодарском крае. М., 1999; Разрешение конфликтов: Пособие по обучению методам анализа и разрешения конфликтов. М., 1999; *Воронина Н., Хелтон А.* Вынужденные перемещения и человеческая безопасность на территории бывшего Советского Союза: право и политика. Нью-Йорк, 2000 (на англ. яз.); Сотрудничество НПО и государства на приоритетных направлениях миграционной политики. Матер. круглого стола. М., 2000; "Видимые руки": Ответственность за социальное развитие. М., 2001; Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах. Ежегодный доклад, 2000. М., 2001; *Тишков В.А.* Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. М., 2001; Чечня: от конфликта к стабильности. М., 2001.

³⁹ Полный список изданий в данной серии см., напр.: *Губогло М.Н., Смирнова С.К.* Феномен Удмуртии парадоксы этнополитической трансформации на исходе XX века. М., 2001.

⁴⁰ Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Вып. 1–160. М., 1990–2003.

⁴¹ На пути к переписи. М., 2003.

⁴² См.: *Тишков В.А.* Советская этнография: преодоление кризиса // Этнограф. обозрение (далее – ЭО). 1992. № 1. С. 5–20.

⁴³ Обстоятельный анализ тематики публикаций в журнале "Советская этнография" / "Этнографическое обозрение" сделал С.В. Соколовский. См.: *Соколовский С.В.* Российская этнография в конце XX в. (библиометрическое исследование) // ЭО. 2003. № 1. С. 3–54.

⁴⁴ См., напр., рецензии В.М. Бочарова в "ЭО" (2003. № 1) и В.С. Малахова в "Отечественных записках" (2002. № 6).

⁴⁵ Об этом см. интервью автора: Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. 4. С. 5–34.

V.A. Tishkov. Russian Anthropology: Contemporary State, Theoretical Directions, Research Results

The contemporary state of the Russian anthropology and disciplinary perspectives, as well as the recent research activities at the Institute of Ethnology and Anthropology (IEA RAS) are assessed. The most important results in various fields of anthropological research are outlined. It is pointed out that the subject of anthropological research in Russia has undergone important changes; new fields of research, such as human ethology, studies of religion, conflict studies, migration research, political and legal anthropology, gender studies had been developed within the national anthropological tradition or started anew after a long break. More liberal publication policy in the discipline has brought an increase in anthropological books, and only in the period since 1989 the anthr

opologists of the IEA RAS have published more than a thousand monographs and article collections. The crisis that Russian anthropology has suffered from in the late 1980s – early 1990s has been successfully overcome in many of its subdisciplines, but it still remains much to be done in terms of theoretical re-evaluation of the Russian anthropological tradition.